

УДК 070(470.23)(091) + 174:070(045)

Е. А. Липницкая

Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова
пр. Ломоносова, 4, Архангельск, 163002, Россия
E-mail: lipnits@yandex.ru

«ЧИТАЯ БРАНЬ ИНЫХ ПИСАК...» ОБ ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ГАЗЕТНОЙ ПОЛЕМИКИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Статья посвящена малоизученным эпизодам литературной борьбы первой трети XIX в. в России. Полемика газет «Северная пчела» и «Бабочка» рассматривается с этической точки зрения.

Ключевые слова: литературно-журнальная полемика, нравственно-этические нормы в журналистике, газета «Северная пчела», газета «Бабочка».

Сегодняшнее противостояние массовой коммерческой, манипуляционной журналистики и журналистики гуманистической с особой остротой поднимает вопросы нравственно-этического порядка. Осмысливая эти проблемы в надежде найти приемлемое их решение, современное журналистское сообщество обращается преимущественно к опыту американской и европейской прессы. На наш взгляд, безосновательно игнорируется опыт этического осмысления проблем журналистики выдающимися отечественными журналистами-практиками и теоретиками публицистики XIX в.

Рубеж 1820–1830-х гг. – поворотный в истории русской журналистики. Возникновение коммерческой прессы, профессионализация печати, декабрьская трагедия 1825 гг., повлекшая за собой насильственное отстранение от участия в литературно-общественной жизни журналистов, литературных критиков-декабристов. В литературно-журнальной полемике этого времени, как в зеркале, отразились новые нравственные коллизии русского общества последекабрьского периода. Данная статья посвящена одному из малоизученных эпизодов литературно-журнальной борьбы этого периода.

2 января 1829 г. в Санкт-Петербурге вышел в свет первый номер газеты «Бабочка, или Дневник новостей, относящихся до Просвещения и Общежития». На появление

новой газеты «Северная пчела» отреагировала оперативно и очень агрессивно. Уже 3 января читатели «Пчелы» получили специальный выпуск – приложение меньшего формата к основному номеру «О новом журнале на 1829 год под названием Бабочка, дневник новостей», который заканчивался призывом: «Вот так Бабочка! – О, долго-терпеливая публика, ты сама сотворишь наконец суд и расправу!» (Северная Пчела. 1829. № 2).

На острые нападки «Северной пчелы» издатель «Бабочки» печатает свои обстоятельные – по пунктам – возражения. В трех номерах газеты в разделе «Нравы» публикуется материал «Борьба правды с неправдою». На что «Пчела» – невиданное дело! – откликается еще одним выпуском-приложением «Последнее предостерегательное известие о журнале без имени Издателей: Бабочка». «Пчела» язвительно комментировала ответ новой газеты: «Бабочка распищалась во 2-м номере (вышедшем не в назначенный срок) и гневается на Пчелу за то, что она начала разговор с нею деньгами. <...> Неужели Бабочка думает, что она может помешать Пчеле и отбить у нее читателей? <...> Пчела для того заговорила о Бабочке, что обязанности Газеты, пользующейся доверенностью публики, состоит в том, чтобы говорить правду, и что Бабочка есть такой журналец, какого жальче мы не видали еще от начала журналистики в Рос-

сии. <...> Первый номер был снотворный листок, второй есть карикатура на все печатное от изобретения книгопечатания. <...> Никто, и вероятно, сами гг. Издатели Бабочки, не подумают, что мы могли завидовать Бабочке, ибо одни только самоубийцы завидуют ничтожеству» (Северная Пчела. 1829. № 4).

Эта довольно жесткая полемика обратила на себя внимание и читающей публики, и журналистов. «Славянин» писал: «Недоумеваем, за что сердитая “Пчела” жалит бедную “Бабочку” так больно, как будто медведя, который потаскал мед из ее улья? Возможно ли судить и осуждать какое-либо издание по первому номеру? Что касается до нас, то нам, право, нравится “Бабочка”. Она могла бы быть лучше, но хороша и так, как теперь. <...> У “Бабочки” жало не тупее “Пчелиного”»:

«Не знали тож теперь известных
Бродяг, лазутчиков словесных,
Корыстью слепленных друзей,
Врагов добра, на взгляд умильных,
Уловов, сплетней щепетильных,
Литературных торгашей”.

Здесь остановимся и спросим у сочинителя сих стихов: на кого он метил? <...> Статься может, что он и встретил где-либо таких нравственных уродов, а нам что за дело! Для них, о них, против них надлежало бы и писать на иностранных языках: они глухи для русской проповеди... Мы отделились от первоначального вопроса: за что “Пчела” так больно жалит “Бабочку”? – недоумеваю...» (Славянин. 1829. № 11).

Недоумение «Славянина», впрочем, было журналистским лукавством. За газетной полемикой прочитывалось давнее противостояние издателя «Северной пчелы» Ф. В. Булгарина и издателя «Бабочки» В. С. Филимонова.

В истории русской литературы имя Владимира Сергеевича Филимонова осталось, прежде всего, как имя адресата А. С. Пушкина. Это было очевидным уже его поздним современникам. В 1858 г. в журнале «Современник» И. И. Панаев писал: «...Заговорив о поэзии, я вспомнил, что я не исполнил еще долга почтить несколькими словами память одного из самых веселых русских стихотворцев, пользовавшегося в 20-х и 30-х годах значительную известно-

стью и умершего в начале июля нынешнего года в преклонной старости. Я говорю о Филимонове – авторе “Дурацкого колпака”, имя которого перейдет в потомство уже потому только, что в полном собрании сочинений Пушкина есть очень остроумное к нему послание...» (Современник. 1858. № 9).

Впрочем, обладая философским и критическим складом ума, что и отмечал Пушкин в своем послании, а также имея хороший литературный вкус как критик, Филимонов сам определил свое место и в русской литературе и в российской жизни:

«Какая польза мне, что я причтен
в газетах,
И к пятой степени, в чинах,
И к степени второй, в поэтах?»
(Филимонов, 1988. С. 23).

Поэт «второй степени» был автором поэм «Дурацкий колпак», «Обед», «Москва», лирических стихотворений, басен, переводчиком од Горация, нравственно-философских сентенций Пифагора, отрывков из книги Монтеня «Опыты», издателем литературной газеты «Бабочка». Советский исследователь творчества В. С. Филимонова Л. Г. Ленюшкина отмечала: «Русская литература первой половины XIX века имела в лице Филимонова талант оригинальный и многосторонний» [Ленюшкина, 1988. С. 3].

Государственный чиновник «пятой степени», действительный статский советник В. С. Филимонов служил в различных министерствах, вице-губернатором Великого Новгорода, гражданским губернатором Архангельска. Его деятельный интерес к проблемам политического и государственного устройства России (он был сторонником отмены крепостного права и введения конституционного порядка) привели к опале и ссылке в Нарву, запрещению печататься и въезжать в столицу. Это во многом способствовало быстрому забвению его имени.

Столкновение «Пчелы» с «Бабочкой» – это красноречивый пример того, как Фаддей Булгарин боролся с литературными и журнальными конкурентами.

Сохранилась записка Булгарина в III Отделение «О статском советнике Филимонове, предполагающем издавать два журнала с будущего 1828 года». Написана она была

в связи с тем, что Филимонов в августе 1827 г. подал прошение о разрешении издавать с будущего года ежемесячный журнал «Надежда, или Дневник русской словесности» и газету «Отголоски мира, или Дневник новостей, относящихся до политики, просвещения и общежития».

Записка содержала и явную ложь («Филимонов есть человек без всяких познаний в науках» – это про выпускника Московского университета), и очернительство («Филимонов не имеет никакого характера ни политического, ни нравственного: это слабоумный сластолюбец»), и слухи о его личной и интимной жизни («Жена его, умная и любезная, не могла с ним ужиться...», «...обольстил свояченицу издателя “Московского телеграфа”...»), и доносительское напоминание о том, что первая книжка Филимонова была запрещена («Книга сия была найдена дурною в отношении к направлению нравственности, хотя, по совести сказать, она более *глупа*, чем *вредна*»), и намеки на его политическую ненадежность («...должно переменить название сего журнала и наименовать не “Надеждою”, а чем другим. Это название уже было в ходу между мятежниками») (Видок Фиглярин, 1998. С. 213).

«Если мне позволено иметь свое мнение, – заключает Булгарин, – то я думал бы, чтобы Филимонову позволить издавать журнал без политики. <...> Что же касается до газеты, то я полагал бы, что должно ограничиться существующими ныне, поелику в умножении оных не видится никакой пользы для словесности, ни для направления общего мнения» (Там же).

Есть в записке Булгарина и еще одна любопытная деталь. Он настойчиво подчеркивает, что Филимонов – фигура не самостоятельная. За просьбой о разрешении новых изданий стоят другие лица: «Он, принимаемая дело превыше сил своих и способностей, вероятно, действует по внушению чуждых лиц» и «...долги заставили его искать какого-нибудь способа к жизни, и он, будучи отовсюду отвергаем и прельстясь состоянием журналиста, не помышляя о нужных к тому познаниях, опытности и трудах, по советам пылкого русского юношества решил издавать вдруг *два* журнала» (Там же).

Кто это – пылкое русское юношество? В «Секретной газете», которая составлялась

в III Отделении на основании доносов, от 30 мая 1828 г. содержится очередная записка Булгарина о возможных конкурентах в издательском деле: «В Москве опять составила партия для издания газеты политической, ежедневной, под названием “Утренний листок”. <...> Главные издатели суть те же самые, которые замыслили в конце прошлого года овладеть общим мнением для политических видов, как было открыто из переписки Киреевского с Титовым. Все эти издатели по многим отношениям весьма подозрительны, ибо явно проповедуют либерализм. Ныне известно, что партию составляют кн. Вяземский, Пушкин, Титов, Шевырев, кн. Одоевский, два Киреевских и еще несколько отчаянных юношей» (Там же. С. 289).

В этом же 1828 г. Булгарин подает и еще одну записку по аналогичной причине – «О титулярном советнике Федорове, предполагающем издавать газету “Санкт-Петербургский дневник”» с аналогичным набором аргументов против. «Федоров никогда, нигде, ничему не учился» (Там же. С. 346), он – подставная фигура: «Подлоги слишком очевидны – только хочется получить позволение, чтобы испорченному юношеству, выставляющему других на сцену, дать свободное поприще» (Там же. С. 348).

Совершенно очевидно, как все раздражительней становится податель этих записок: пылкое юношество – отчаянные юноши – испорченное юношество. «Сия партия надеется теперь чрез немецких ученых Круга и Аделунга снискать позволение князя Ливена, через кн. Вяземского и Пушкина действовать на Блудова посредством Жуковского, а чрез своего партизана Титова, племянника статс-секретаря Дашкова, снискать доступ к Государю чрез графа Нессельроде или самого Дашкова» (Там же. С. 289–290).

В архивах III Отделения сохранилась и «объяснительная» статс-секретаря Дашкова. Высокопоставленного чиновника вряд ли можно заподозрить в либерализме, к тому же не слишком лестно отзывался он о Вяземском и Пушкине, однако Дашков был категорически не согласен с автором записки-доноса: «Сделанные мною карандашом возражения на сии замечания показывают, с какою ядовитостию толкуется каждое слово и как извлекается смысл преступный из речей вялых и тысячу раз перебитых» (Там же. С. 292).

Кроме того, ему был очевиден мотив этого доноса: «Сочинители записки видят в московских литераторах общество заговорщиков; но истинное побуждение их так ясно, что даже открывает мне имена их. Скажу безошибочно, что они суть петербургские журналисты, имевшие много литературных ошибок с “Московским вестником” и “Телеграфом” и желающие приобрести разными путями прибыльную монополию политической газеты» (Видок Фиглярин, 1998. С. 292–293).

Трудно сказать, были ли аргументы записок Булгарина в III Отделение решающими, но ни Филимонову в 1827 г., ни Федорову в 1828 г. разрешения на новые издания не было дано. И тем более понятно раздражение издателя монопольной «Северной пчелы», когда в Петербурге в 1829 г. все же появилась новая газета. Даже несмотря на то, что из названия ее исчезло слово «политика», а остались лишь «новости, относящиеся до просвещения и общежития».

Булгарин явно преувеличивал, говоря о возможном участии в газете Филимонова «отчаянных юношей» – Вяземского и Пушкина. Но не ошибался в одном – В. С. Филимонов разделял взгляды литераторов пушкинского круга, и это отразилось в направлении и содержании «Бабочки» с первого же ее номера.

О своей нравственно-эстетической позиции новая газета сообщала недвусмысленно и настойчиво. В первом номере Филимонов поместил отрывок из своей недавно вышедшей поэмы «Дурацкий колпак». «Русские писатели в 1816 году» – так назван фрагмент поэмы, в котором автор с ностальгическим чувством вспоминает о литературной жизни «до-декабристской» эпохи. «Ревизской сказкой» о певцах называл сам Филимонов этот отрывок. Каждому русскому поэту, писателю или переводчику автор посвящает добрые, наполненные теплым юмором стихотворные строки: «Умно гусей дразнил Крылов», «Буянил с Музой Пушкин-дядя», «Не скалозубил Грибоедов» и т. д.

«...На лаврах Дмитров отдыхал,
Умолк Державин, бард Державный;
Свершал Историк подвиг славный;
А юный Пушкин начинал...

Еще нас Пленник не пленял
Картиной дикого Кавказа,
Любовью чистой девы гор
И новой прелестью рассказа;
Длиннобородый Черномор
Не забавлял волшебной властью,
Восторгам брачным не мешал;
Цыган, неистовую страстью,
Неверных женщин не пугал...»
(Бабочка. 1829. № 1)

В ту прекрасную пору «не все сердился Каченовский». И что важнее всего, акцентирует В. Филимонов, не было «лазутчиков словесных, корыстью слепленных друзей», подразумеваемая, безусловно, журнально-торговый альянс Н. Греча и Ф. Булгарина.

«Но ухищренья, клевета,
Но правом мщенья торг постылый,
Но козни зависти унылой
Не омрачали думой зла
Друзей веселого чела...»
(Бабочка. 1829. № 1).

И в следующем, втором номере, полемизируя с «Пчелой», «Бабочка» еще раз определяет свою позицию: «...по возможности доставлять читателям чтение приятно-полезное и, между прочим, обличать пред ними поползновения иных лиц, стремящихся с некоторого времени дать словесности Русской направление, не свойственное эстетическим началам и самому нраву Русского народа, не корыстолюбивого, а щедрого, гостеприимного, великодушного» (Бабочка. 1829. № 2).

«Литературные торгаши», по выражению Филимонова, разрушали не только существовавшие некогда моральные границы литературных и журнальных дискуссий, но и саму атмосферу литературной среды. Не случайно ответ «Пчеле» размещен в разделе «Нравы»: «Привыкнув смешивать дело литературное с книжною торговлею, она («Северная пчела». – Е. Л.) при всяком появлении нового повременного издания изволит возглашать к публике: “не читайте, всего более не подписывайтесь на *новые* журналы и газеты; читайте, или хотя не читайте, но подписывайтесь только на *наши старые!*” Так беспристрастно, так радушно обходилась Пчела с *Московским Телеграфом*, особ-

ливо тогда, когда в издании его принимал некоторое участие наш остроумный, любезный кн. Вяземский, так гостеприимно приняла она *Московский Вестник*, а *Вестник Северный*? При самом возрождении его он встречен был ядовитым дыханием *Пчелы* <...> не учтиво, не должно *противника унижать*...» (Бабочка. 1829. № 3).

В противостоянии «Бабочки» и «Северной пчелы» отразились не только различные взгляды на явления литературы (в оценке, например, вышедшего в 1828 г. дуэтного сборника с поэмами «Бал» Баратынского и «Граф Нулин» Пушкина), но и противоположная позиция в самом подходе к журналистской профессии. Нападки на «Бабочку» – пример использования Булгариным этически нечистоплотных приемов газетной полемики.

Для дискредитации нового издания используется и клевета («Если бы можно было перепечатать его (номер «Бабочки». – *Е. Л.*) целиком со всеми логическими, грамматическими и типографскими ошибками, и приложить к Северной пчеле для показания русским читателям, что за насекомое эта Бабочка, то это была бы самая жестокая сатира на сей журналец» – это замечание преувеличено настолько, что граничит с клеветой), и передергивание фактов («Пчела» настойчиво называет газету «Бабочка» журналом: «“Бабочка” не есть Газета, имя это присвоено ею только для привлечения читателей»), и цитирование с искажением смысла цитаты, и намеки на финансовую нечистоплотность издателей «Бабочки» («Объявление о выходе “Бабочки” вышло без подписей Издателей, без поручительства даже книготорговца, что в случае прекращения издания, подписчики будут вознаграждены...») (Северная Пчела. 1829. № 4).

Одной из главных целей издателя «Бабочки» была попытка вернуть литературно-журнальные нравы в русло былой благопристойности. Основой любой критики должна быть объективность и доброжелательность: «Бабочка не будет, подобно Пчеле, увлекающейся *скучною страстью*, ненавистью, подражать наукам в *искусстве плести*; она просто, говоря о меде, Пчелой добываемой, скажет: этот мед *дурен*, а этот мед – *хорош*» (Бабочка. 1829. № 3).

Несколько басен и иронических стихотворений, принадлежащих перу издателя «Бабочки» В. Филимонову, посвящены были критике – «бранным» газетам и журналам и их издателям: «Откупной журнал» (Бабочка, № 3), «Вопрос и ответ» (№ 4), «Читая брань иных писак...» (№ 6), «Мужик, пчела и бабочка» (№ 7), «За что так страшно рассердился...» (№ 8), ода «Журналист» (№ 16). На агрессивную критику творчества А. Пушкина авторами «Вестника Европы» Филимонов откликнулся остроумным экспромтом «От классиков – к Пушкину»:

«Романтики кричат: вам дар
небесный дан!
Но вы небесный дар во зло употребили:
Гречанку, Ленского сгубили,
Ввели нас в общество *Разбойников*,
Цыган;
Взмутили кровию *Фонтан*;
Черкешенку в волнах как будто
утопили...
– Нет! Мы не любим так писать,
Мы, *классики*, своих героев не морили:
Но жаль – не любят нас читать...»
(Бабочка. 1829. № 24).

В нескольких номерах газеты «Бабочка, или Дневник новостей, относящихся до Просвещения и Общежития» В. С. Филимонов в разделе «Нравы» опубликовал фельетон «Журналист». В нем дана жесткая характеристика морального облика представителей этой профессии. Желание «потрясти нервы своих чувствительных подписчиков» заставляет журналиста гоняться за сенсациями – «дуэлями, убийствами, ушибами, насильственной смертью». А промышленники, купцы, парикмахеры, мозольные врачи, желая «приобрести выгодную известность», одаривают журналиста товарами и услугами. Филимонов имел в виду, прежде всего, таких журналистов, как Булгарин.

Впрочем, критические публикации довольно скоро исчезли со страниц «Бабочки», как исчезли литературные обзоры и рецензии, сменился и полемический тон газеты. Издатель был вынужден передать «Бабочку» в другие руки. В марте 1829 г. В. С. Филимонов получил новое назначе-

ние – должность гражданского губернатора в далеком Архангельске. Существует мнение, что окружающие восприняли это как почетную ссылку. В. Л. Пушкин в письме П. А. Вяземскому высказает предположение: «Филимонов назначен губернатором в Архангельск. Не обязан ли он сим местом “Дурацкому колпаку”?» (цит. по: [Михайлова, 1983. С. 235]). Уж очень острой оказалась сатира поэмы, направленная и на высшее общество, и на «литературных торгашей». Александр Сергеевич Пушкин прочел и ее политический подтекст.

Следуя логике Василия Львовича, мы выскажем предположение, что этому назначению мог способствовать и тот факт, что с января 1829 г. В. С. Филимонов начал выпускать в Петербурге газету «Бабочка, или Дневник новостей, относящихся до Просвещения и Общежития». С первого же номера новая газета подверглась острым нападкам со стороны официозной «Северной пчелы». Развернувшаяся полемика и принципиальное противостояние двух газет были фактически прекращены с новым назначением издателя и редактора «Бабочки».

Сохранившиеся в Государственном архиве Архангельской области письма министра внутренних дел Арсения Закревского В. Филимонову свидетельствуют, что в Архангельск он был направлен для выполнения ответственного правительственного задания. Судя по всему, критика существующих порядков не исключала, по мнению Филимонова, возможность улучшать действительность, честно служа своему государству и государю.

Новые государственные дела заставили Филимонова передать газету в другие руки, и его участие в издании ограничилось эпизодическим сотрудничеством. Он изредка публиковал литературные и театральные обзоры, басни, отрывки из переведенных ранее произведений.

Но в своих прогнозах о будущем российской словесности Филимонов не ошибся. Он писал: «...Простите, Пчелка! Есть надежда, что при беспрестанно являющихся в России новых повременных изданиях, знаменитые писатели наши примут, хотя в некоторых из них, участие; и тогда благонамеренная критика и вкус, сообразный с требованием века, восторжествует над чванною посредствен-

ностью и сердитым безвкусием» (Бабочка. 1829. № 4). Уже в следующем, 1830 г., противостоят одиозной «Северной пчеле» будет «Литературная газета» Дельвига и Пушкина.

Описанное нами столкновение петербургских газет «Северная пчела» и «Бабочка» – это во многом характерный эпизод журнальной борьбы рубежа 1820–1830-х гг., когда в России набирало мощь так называемое «торговое направление» в журналистике и литературе. Коммерческие, меркантильные интересы издателей часто попирали нравственно-этические нормы. Журнальная полемика выходила за рамки хорошего тона. Брань, оскорбление личности, вмешательство в личную жизнь, клевета, передергивание фактов вошли в практику газет «Северная пчела», «Северный Меркурий» и др. Попытки отдельных изданий, таких как «Бабочка», увы, не смогли противостоять превращению журналистики и литературы, по меткому выражению А. С. Пушкина, во «вшивый рынок». Тем не менее издание В. С. Филимонова являет нам один из первых примеров этического осмысления проблем журналистики.

Список литературы

Ленюшкина Л. Г. Отрадный дар // Филимонов В. С. «Я не в Аркадии – в Москве рожден...». М.: Московский рабочий, 1988. С. 3–20.

Михайлова Н. И. Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому // Пушкин: исследования и материалы / Под ред. В. Э. Вацуро, Д. Д. Благого, Р. В. Иезуитовой и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние. Т. 11. 1983. С. 213–249.

Список источников

Бабочка, или Дневник новостей, относящихся до Просвещения и Общежития. 1829. № 1–4, 24.

Видок Фиглярин: Письма [переписка] и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение / Изд. подгот. А. И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 700 с. Северная пчела. 1829. № 1–4.

- Славянин. 1829. № 11.
Современник. 1858. № 9.
Филимонов В. С. «Я не в Аркадии – в
Москве рожден...» / Вступит. ст. Л. Ле-
нюшкиной. М.: Московский рабочий, 1988.
414 с.
Материал поступил в редколлегию 12.03.2010

Е. А. Lipnitskaya

**«READING INVECTIVES OF SOME SCRIBBLERS...»
ON ETHICAL PROBLEMS OF NEWSPAPER POLEMICS
OF THE FIRST HALF OF 19TH CENTURY**

The article is devoted to unexplored episodes of the literary dispute of the first half of the 19th century in Russia. The polemic of the newspapers «Severnaya pchela» («Northern Bee») and «Babochka» («Butterfly») are viewed from the ethical standpoint.

Keywords: literary and journal polemic, moral and ethical norms in journalism, «Severnaya pchela» and «Babochka» newspapers.